

Н.Л. ГАТИНА

(Уральский федеральный университет им. Б.Н.Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1.09 (Достоевский Ф.М.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ СУДЬБЫ ПАРФЁНА РОГОЖИНА В РОМАНЕ «ИДИОТ»)¹

Аннотация: В статье реализован православный взгляд на творчество Достоевского, с опорой на восточно-византийское богословие. Исследуется проблема характерологии на примере романа Достоевского «Идиот». По мнению автора статьи, Достоевский намеренно наделил Парфёна Рогожина губительными страстями, доказывая свой идеал от противного. Согласно православной антропологии, подлинная свобода человека есть бесстрашие его души.

Ключевые слова: Достоевский, православная антропология, любовь-страсть

«Ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Добро, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю»

(Рим. 7: 15, 19).

Проблема свободы личности как универсальной ценности особо волновала Ф.М. Достоевского, восстававшего против так называемой «либеральной» свободы, о которой писатель в своё время весьма точно сказал: «Провозгласил мир свободу, и что же мы видим в этой свободе? Одно лишь рабство и самоубийство»². «Пятикнижие» Ф.М. Достоевского – живописная картина того, как люди, жаждущие либеральной свободы, оказываются рабами своих собственных страстей, и это не случайно.

Современный болгарский учёный Н. Нейчев, анализируя «великое пятикнижие» Ф.М. Достоевского в православном ключе, приходит к следующему выводу: «явление «Достоевский» как в экзистенциальном, так и в религиозно-идеологическом плане (мировоззренческом)

¹ Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 года. Соглашение 14.А18.21.0999.

² О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: Сб. ст. – М., 1990. С. 294-305.

плане неотделимо от традиций ортодоксальной церковности, а смысл его творчества вряд ли можно объяснить адекватно вне принципов восточно-православной каноники»³, ибо «поэтика Ф.М. Достоевского таинственна не в смысле загадочности и скрытности, а в том смысле, что она отражает таинства и традиционные ритуалы, и именно это превращает её в мистическую и непонятную для того, кто находится за пределами подобного мировосприятия и интуиции»⁴.

Наша работа отчасти опирается на работу Н. Нейчева, также представляя собой православный взгляд на творчество писателя. Мы исследуем проблему характерологии Ф.М. Достоевского (на примере романа «Идиот») в опоре на святоотеческую теорию душевных страстей и базируемся на следующей гипотезе: писатель, будучи человеком православным и имея для себя лишь один идеал – бесстрастного Христа, намеренно создавал своих героев страстными, дабы показать, как губительно страсти действуют на душу человека, и утвердить необходимость обретения свободы во Христе посредством обожения.

Следует сказать, что в восточно-византийском богословии под страстью чаще всего греховные, противоестественные движения души, заключающиеся в ее увлечении чем-либо вместо Бога, и ставшие привычкой»⁵.

Святые отцы утверждают, что в результате грехопадения душа, отсеченная от Бога, истинного источника жизни, «пытается получить пищу, высасывая соки из тела. Отсюда рождаются душевные страсти... В свою очередь тело, не обретая жизни в душе, обращается к внешним источникам и, естественно, оказывается в плену у материи, засасывается круговоротом тления. Так появляются сластолюбивые телесные страсти, посредством которых человек пытается черпать жизнь и радость из материального мира»⁶.

Согласно свят. Григорию Паламе, есть страсти безукоризненные (или естественные): страстность, смертность, тленность, потребность в удовлетворении естественных физических потребностей человека, не зависящие от человека, поскольку вошли в его жизнь вследствие грехопадения, и укоризненные, или неестественные – «движения души

³ Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф.М. Достоевского. – Екатеринбург, 2010. С. 93.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Нил Сорский, преп. Наставление о душе и страстях. – СПб., 2007. С. 37.

⁶ Ирофей Влакос, митр. Православная психопатология // И. Влакос, митр. Православная психотерапия: святоотеческий курс врачевания души [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Якова Кротова, свящ. URL: http://krotov.info/libr_min/v/veber/vlahos03.html.

вопреки природе», когда природные способности человека приобрели характер удовольствия⁷.

Святые отцы выделяют три основных его вида: сребролюбие, славолюбие, сластолюбие. В таком разделении они основываются на словах святого ап. Иоанна Богослова о трех искушениях мира: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Ин. 2:15–17). Отцы церкви сластолюбие отождествляли с похотью плоти, сребролюбие – с похотью очей, а славолюбие – с гордостью житейскою. Три коренных вида неестественных душевных страстей подразделяются на восемь главных – гордость, тщеславие, сребролюбие, гнев, блуд, чревоугодие, уныние, печаль. Им противоположны восемь добродетелей: любовь, смирение, нестяжание, кротость, целомудрие, воздержание, трезвение, блаженный плач. святые отцы также отмечают, что хотя эти восемь страстей искушают весь род человеческий, не на всех одинаковым образом нападают, ибо «в одном главное место занимает дух блуда; в другом преобладает гневливость; в ином властвует тщеславие; а в другом гордость господствует»⁸.

Завершив необходимое теоретическое отступление, проанализируем мир души и выявим доминирующую страсть одного из главных героев романа, Рогожина Парфёна Семёновича, после чего попытаемся осмыслить его судьбу в русле православной антропологии, согласно которой подлинная свобода человека есть бесстрашие его души.

Поведение Рогожина на протяжении романа обнаруживает крайнюю страстность его натуры. Не случайно Настасья Филипповна говорит о Рогожине следующее: «...у тебя, Парфен Семеныч, сильные страсти, такие страсти, что ты как раз бы с ними в Сибирь, на каторгу, улетел, если б у тебя тоже ума не было, потому что у тебя большой ум есть... у тебя во всём страсть, всё ты до страсти доводишь»⁹.

В процессе анализа мы выявили, что героем попеременно овладевают страсти гордости, тщеславия, чревоугодия (винопития), блуда,

⁷ *Кириан (Кери), архим.* Антропология св. Григория Паламы: дисс. ... доктора церков. наук Православного богословского института в Париже [Электронный ресурс] // Психологическая библиотека «Самопознание и саморазвитие». URL: <http://psylib.org.ua/books/kipke01>.

⁸ Добротолюбие: В 5 т. Т. 5. Изд. 2-е. – М., 1890; Изд. 3-е. – М., 1900. Т. III. С. 305.

⁹ *Достоевский Ф.М.* Идиот: Роман в 4 ч. / Ф.М. Достоевский. – М.: Эксмо, 2004. – С. 222.

уныния, печали и гнева. Следует сказать, что в случае с Рогожиным все эти страсти составляют тесно сплетенный клубок, а потому крайне сложно определить доминирующую его страсть. По слову Ф.М. Достоевского, «сложен всякий человек и глубок, как море, особенно современный, нервный человек»¹⁰.

Проявлений страсти гордости и печали в поведении Рогожина зафиксировано немного, зато проявлений страсти чревоугодия (винопития), блудной страсти и страсти уныния, а также проявлений страсти гнева и страсти тщеславия довольно много, поэтому логично, что нужно искать главную страсть меж этими пятью.

Чревоугодие (винопитие) закономерно влечет за собою блудную страсть. Дело в том, что для мирян есть два пути блудного разжжения: естественный и неестественный, который «происходит от питания и разгорячения тела пищею и питием; происходящий от них жар крови производит возбуждение в теле. Потому-то и писал св. ап. Павел: «не упивайтесь вином, в нем же есть блуд...» (Еф. 5, 18).

Блудная страсть, в свою очередь, порождает уныние, ибо эти две страсти – подруги, согласно святым отцам. «Та (блудная страсть) – начало, госпожа и царица сластей, – преимушая сласть сластей и спутница ее, леность, суть непобедимая колесница», как писал преп. Григорий Синаит¹¹, и проявлений первой в романе гораздо больше.

Проявлений страсти гнева очень много, но гнев этот почти всегда (иногда – блудной страстью) обусловлен безудержной ревностью, которая, согласно Максиму Исповеднику¹², сродни зависти, проявлению страсти тщеславия, а она, в свою очередь, тесно переплетена со страстью гордости, хотя и нельзя сказать, что преобладает над нею, как в случае с Настасьей Филипповной.

Итак, доминирующую страсть следует искать среди страсти тщеславия и блудной страсти. По свидетельству православного психолога Б.В. Ничипорова, «чувства уныния, витальной тоски и отчаяния являются эмоциональной индикацией блуда, а сопутствующими страстями, которые поддерживают блуд и взаимно усиливают друг друга, являют-

¹⁰ Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради. (1860–1881 гг.) / Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР; Редакция: В.Г. Базанов, Д.Д. Благой, В.Р. Щербина (гл.ред.) и др. – М.: Наука, 1971. С. 417.

¹¹ *Добросельский П.В.* Очерки православной антропологии. О происхождении человека, первородном грехе и искусственном зарождении [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «ПравКнига». URL: http://pravkniga.ru/intlib_part.html?id=2561.

¹² *Максим Исповедник, прп.* Творения преподобного Максима Исповедника: В 2 кн. Кн. 2. – М., 1993. С. 23-24.

ся уныние, тщеславие и пьянство»¹³. Значит, возможно, страсть тщеславия лишь сопутствует доминирующей блудной страсти героя. Чтобы понять, так ли это, обратим внимание на характер отношений Рогожина к Настасье Филипповне.

Неоднократно на протяжении романа подчеркивается, что герой смотрит на Настасью Филипповну как на божество. Согласно блаж. Августина, «есть два рода любви, из коих одна святая, а другая нечистая... одна покорная Богу, а другая страстная; одна мирная, а другая мятежная; одна – предпочитающая истину похвалам заблуждающихся, а другая – жадная ко всеобщим похвалам; одна – желающая ближнему того же, что и себе, а другая – желающая подчинения ближнего себе самой»¹⁴. Если мы вспомним, как жёстко обращается Рогожин с Настасьей Филипповной, становится очевидно: Рогожин испытывает страстную, мучительную любовь, забывая, что благодать не насилует, любовь не подавляет.

Святая любовь предполагает равноправие, внутреннюю свободу двух любящих сердец, которые суть «одна плоть». Истинная любовь не порабощает любимого человека; герой же одержим жадной сломить волю Настасьи Филипповны, но, к собственному удивлению, сам бессознательно становится ее рабом. По слову ап. Петра, «кто кем побежден, тот тому и раб» (2 Пет. 2: 19).

Сказать однозначно, что Рогожиным движет второй тип любви – любовь-страсть, которой чуждо сострадание – непрменный компонент святой любви, нельзя, ведь Рогожин способен на благородные чувства в отношении любимой женщины (у Ф.М. Достоевского вообще нет отъявленных негодяев). Вспомним, к примеру, два случая: 1. Рогожин обнимает князя на прощанье и уступает ему Настасью Филипповну, возможно, предчувствуя, что страстность его натуры может обернуться драмой для жизни любимой женщины, и твердо зная, что Мышкин не способен причинить ей зла, в отличие от него самого. 2. В сцене встречи соперниц Рогожин, наблюдая невыразимую боль Настасьи Филипповны, причиненную ей Аглаей, и сострадав любимой женщине, смиренно уходит, даруя ей свободу.

Но, увы, непогашенная и культивируемая героем, страсть вскоре вновь одерживает победу над светлыми чувствами в душе героя, и Ро-

¹³ Ничиторов Б.В. Введение в христианскую психологию [Электронный ресурс] // Сайт мужского монастыря Спаса Нерукотворного пустыни. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/head/10773>.

¹⁴ Философия Августина Блаженного. Учение о бытии Августина Блаженного [Электронный ресурс] // Сайт «Философ.ру». URL: http://www.philosophy.ru/rus/philosophy/history/midages/filosofij_avgu/filosofij_75.shtml.

гожин ничего не может с собой поделаться. В конечном итоге, эта страсть (в терминологии святых отцов – блудная), до такой степени застилает ему глаза, что он уже ненавидит Настасью Филипповну и убивает её, тем самым лишает самого себя смысла жизни. Это главное обстоятельство, которое даёт нам право заключить, что в душе героя доминирует блудная страсть.

Как справедливо заметил иером. Митрофан (Волкодав), «живущим небрежно блудный бес готовит падение в грязный ров, распалая их тело пламенем блуда и похоти, устраивая различные козни для исполнения похоти плоти и без сочетания с иной плотью, о чём срамно и говорить. Такие и плоть сквернят и съедают соленые плоды сласти, исполняются мрака и лишаются всего»¹⁵.

Судьба Рогожина закономерно требует своего осмысления с точки зрения православной антропологии.

По сути, Рогожин подобен старику-рыбаку из гениальной повести Э. Хэмингуэя «Старик и море», воюющему на просторах океана со злополучной рыбой (Настасьей Филипповной) и с теми, кто на нее покушается (Ганя Иволгин, Тоцкий, в определённом смысле и князь Мышкин). Если выйти на метафизический уровень произведения, рыба – символическое выражение той или иной страсти, которой служит человек, олицетворение его идола, и одновременно – его враг-наркотик, потому что человек не в состоянии жить без него, отчего страдает и постоянно норовит победить своего кумира, чтобы освободиться от оков одурманивающей его страсти. Старик убивает свою рыбу, и вскоре от неё остается лишь громадный скелет, и это неслучайно, ибо страсти, согласно святым отцам, опустошают душу. Рогожин, лишая жизни Настасью Филипповну, объект своей страстной любви, тоже остается ни с чем, и это закономерно, ибо «любовь не ищет своего...» (1 Кор. 13:5).

Таким образом, на примере судьбы одного из героев романа, Парфёна Рогожина, великий писатель и психолог, Ф.М. Достоевский, демонстрируя читателю методом *reductio ad absurdum* пагубность внутреннего рабства как неперемного пути самоуничтожения высшего творения Божия, утверждает пафос спасения каждой личности путём покаяния и обожения, ибо подлинная свобода человека, согласно православному миропониманию, есть бесстрастие его души.

¹⁵ Митрофан (Волкодав), иером. Основы иноческой жизни по Добротолюбию [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Саратовской епархии Русской Православной Церкви «Православие и современность». URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/03v/volkodav/volkodav1/1.html>.

По справедливому замечанию Н. Нейчева, «метафизическая функция последних романов Ф.М. Достоевского выступает как средство, при помощи которого автор стремился положить конец углубляющейся бездуховности, поскольку романы полностью подчинены высоко нравственной христианской мысли, формула которой – «восстановление погибшего человека»¹⁶.

¹⁶ *Нейчев Н.* Таинственная поэтика Ф.М. Достоевского. – Екатеринбург, 2010. С. 97.